

ИСТОРИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В СТАТЕЙНЫХ СПИСКАХ КОНЦА XVI — СЕРЕДИНЫ XVII в.

Ф.Х. ГУТНОВ

В последней четверти XVI — середине XVI вв. в социально-политической жизни народов Кавказа произошли определенные перемены. Как к северу, так и к югу от Главного Кавказского хребта население региона отстаивало свою независимость в борьбе с экспансией Ирана, Турции и Крыма. Связи с Россией, надежным союзником и гарантом независимости, прерванные татаро-монгольским нашествием, начинают восстанавливаться со второй половины XVI в. Участвовавшие в этом процессе стороны находились в разных условиях.

Московские князья к этому времени завершили «собрание земель русских». Более того, они расширили границы своего государства, а после присоединения Казани и Астрахани подошли к границам Кавказа. Во второй половине XVI в. Иван Грозный через своего тестя, Темрюка Идарова (одного из могущественных кабардинских князей), осуществлял связи с другими социумами региона.

С XVI в. на Северном Кавказе усиливается влияние Турции и Крымского ханства. Во время ирано-турецкой войны 1548-1555 гг. и позже транспортные артерии Северного Кавказа имели для султана важное стратегическое значение. Их использование планировалось для решения двух задач: 1) мобильной переброски турецких и союзных им крымских войск в Закавказье с целью завоевания Азербайджана и, особенно, центра производства шелка — Шемахи; 2) установления через Астра-

хань постоянных связей с узбекскими владельцами и координации совместных акций против Ирана. Реализации этого плана помешали дипломатические усилия Ивана Грозного, сумевшего добиться от протурецки настроенного шамхала Тарковского разрешения на постройку крепости на р. Койсу (Сулаке). В 1567 г. по просьбе князей Кабарды, на месте переправы через р. Сунжу — главном северокавказском пути на Дербент — была заложена крепость. Путь через Северный Кавказ для Турции и Крыма был закрыт [1, 3].

В XVI-XVII вв. Закавказье превращается в арену яростного противоборства Турции и Ирана. Войска иранских шахов и турецких султанов неоднократно вторгались в Грузию, Армению, Азербайджан и Дагестан, опустошая целые районы. «Никогда Иверия не бедствовала ужаснее нынешнего, — говорил в 1604 г. грузинский царевич Георгий послу России, — стоим под ножами Султана и Шаха; оба хотят нашей крови и всего, что имеем» [2, 112]. Западный и Северо-Западный Кавказ более всего страдали от гнета султанской Турции и Крыма. Все это обусловило ориентацию горцев на Россию.

Кахетинский царь Александр в 1586 г. через своих послов — священника Иоакима, старца Кирилла и черкеса Хуршита — просил царя Федора принять Кахетию в свое подданство. В 1604 г. наследник престола Иверии Георгий вновь взывал о помощи к царю России: «Турки, персияне...

силою к нам врываются; а вас зовем добровольно: придите и спасите! (курсив мой. — Ф. Г.)» [2, 112-114]. Аналогичные просьбы содержались в наказах последующих грузинских посольств.

Следует отметить, что на рубеже XVI-XVII вв. Россия из-за внутренних раздоров еще не могла в полном объеме оказать помощь своим союзникам на Кавказе. В этой связи интересен сюжет из «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева о посольстве 1586 г. кахетинского царя Александра. Последний, «угрожаемый с одной стороны турками, с другой — персами, бил челом со всем народом, чтобы единственный православный государь принял их в свое подданство, спас их жизнь и душу». Царь «всей Руси» предпринял возможные на тот момент шаги: отправил в Кахетию «учительных людей», монахов, священников, иконописцев, «чтоб восстановить чистоту христианского учения и богослужения среди народа, окруженного иноверцами; дана была и помощь материальная: отправлен снаряд огнестрельный». Численность гарнизона Терской крепости увеличилась за счет присланных стрельцов. Москва потребовала от Александра доставить в эту крепость «запасов на 2500 человек». Однако царь Грузии не смог выполнить это требование: «Для дальней дороги, для гор высоких, да и запаса собрать столько нельзя» [3, 268-269].

Россия могла решить одну из проблем Александра — повлиять на шамхала Тарковского, систематически совершавшего набеги на Грузию. Но «решиться за Кахетию вступить в явную борьбу со страшными турками» ей еще было не по силам. Сознывая это, царь Кахетии, тем не менее, вновь «бил челом, чтоб государь опять послал на Шевкала большую рать, взял Тарки и посадил тут из своих рук свата Александра, Крым-Шевкала». Москва пообещала отправить в Дагестан отряд, но с условием, чтобы и Александр «послал туда же свою рать с сыном и сватом». Московский воевода, князь Хворостин, «вошел в землю Шевкалову и взял Тарки, но понапрасну дожидался полков кахетинских; вместо

них явились неприятели, разные горские народцы». Хворостин, потеряв 3000 человек, вынужден был вернуться «на Терек с немногими людьми». Стало ясно, что «Московское государство в конце XVI века еще не могло поддержать таких отдаленных владений» [3, 269].

Народы Кавказа в тех же хронологических рамках находились на разных ступенях общественного развития. Некогда грозные аланы после походов Тимура окончательно теряют контроль над Предкавказьем. По словам М. Меховского (начало XVI в.), равнинная Алания стала пустыней, в «которой нет владельцев — ни аланских, ни пришлых» [4, 72].

В золотоордынский период сложились две группы обществ адыгских народов: «аристократические» и «демократические». Архиепископ Галонифонтибус в 1404 г. в описании западных адыгов отмечал: «Страна, называемая Зикийей или Черкесией, расположена у подножья гор, на побережье Черного моря. Они не имеют царя и у них есть только несколько мелких феодалов, многие их села никогда никем не управлялись, и они не имеют собственных глав» [5, 17]. В конце XV в. земли черкесов посетил Д. Интериано. Интересны его оценки, касающиеся общественного устройства зихов. «Есть у них знатные, и вассалы, и сервы, или рабы. Знатные пользуются среди прочих особым почетом и значительную часть времени проводят на коне». Привилегированные, «как и все они», живут грабежом [6, 47-51]. «Между знатными есть много таких, которые имеют вассалов и все живут без какой-либо зависимости друг от друга и не желают признавать над собою никакого владыки, кроме господ бога, и нет у них ни судей, ни каких-либо писанных законов. Сила или смекалка, либо третейский суд разрешают споры между ними» [6, 49-50]. В начале второй половины XVII в. в этих местах побывал Эвлия Челеби. У хатукаевцев путешественник выделил *бея*, имевшего собственную дружину — восемь тысяч «хорошо вооруженных воинов, отборных и богатых, то есть владеющих животными». Челеби подчеркнул отсутствие у черкесов

централизации: все «села враждебны друг другу. Так что нет недостатка в постоянных междоусобных войнах и распрях». Темиргоевцами управляли 7 братьев, распорядившиеся «сотней благоустроенных стоянок и тысячей хорошо вооруженных отборных воинов. Из всего черкесского народа эти — самые отважные и сильные» [7, 52-68, 73-76].

Иным предстает в источниках социальное устройство кабардинцев. М. Броневский в конце XVI в. писал: «это — совершенно свободный народ, имеет многочисленных и храбрых князей, которым подчиняются отдельные племена и роды» [6, 54]. Более пространную характеристику привел Челеби. Он обратил внимание на несколько крупных поселений общинного типа, которые к его приезду уже 25 лет находились на одном и том же месте, в отличие от других, эпизодически менявших свое месторасположение. «А всего у них имеется двадцать благоустроенных и удобных селений в труднодоступных местах. Их (беи) распорядаются в общей сложности десятью тысячами джигитов — богатырей прославленных и отважных». Верховным правителем у них формально являлся старший бей. «Однако вся власть и все управление в руках» у младшего бея — Мисоста [7, 86-90].

Восточное ингушское общество — Аккинское — разделялось на две части: горную и равнинную. Глава Окоцкой слободы проводил активную пророссийскую политику. В конце XVI в. около Терского городка возникло небольшое поселение «служилых окочан». Из-за притеснений кумыкского владельца Ахматхана и «многих горских князей и мурз» 160 окочан «душою и телом» бежали вместе с женами и детьми в Терский городок [7, 70]. Имеющиеся источники пока не дают оснований для признания социумов вайнахов второй половины XVI-XVII вв. раннефеодальными. Под «начальными людьми 4-х шибутских кабаков» документа 1647 г. Е. Н. Кушева видела «старшин» [7, 78-79].

Та же мизерная источниковая база затрудняет возможность охарактеризовать

состояние социальной структуры балкарских обществ рассматриваемого периода. А. И. Мусукаев полагает, что в нестабильной обстановке средневекового Центрального Кавказа население Балкарии вынуждено было искать защиту и покровительство у «военных вождей — *олиев* (курсив мой. — Ф. Г.) и их окружения... Соглашаясь носить определенные оброки и барщину, отказываясь от личной свободы, простой горец таким образом сохранял жизнь себе и семье. В то же время патрон приобретал и усиливал свою власть над населением, становясь господином. Как видно, порядок патрона-та-коммандации формировался сугубо из материальных интересов людей» [8, 34].

В 1552 и 1557 гг. в Москве побывали посольства адыгских народов. В результате переговоров часть адыгов вошла в состав Российского государства. Некоторые кабардинские князья, например, родственники инициатора посольств Темрюка Идарова, остались на жительство в Москве, «крестились в русскую веру» и стали боярами [9, 41; 10, 119].

После брака с кабардинской княжной, дочерью князя Темрюка, Иван Грозный оказывал своему шурина различные знаки внимания. В сентябре 1562 г. Грозный послал Темрюку и его родственникам «*великое жалование* (курсив мой. — Ф. Г.), платье и деньги и купки и ковши и иные (со) суды серебряные... А которые черкасские князи Темрюку-князю были непослушны, и те, слыша царское жалование к Темрюку-князю... они Темрюку-князю учили быти послушны и дани ему учили давати и во всей учинился в Темрюкове князей воле» [11, 34]. 23 сентября того же года Иван Грозный «послал в Черкасы Пятигорские к Темрюку-князю Айдаровичу *посольством* Григория... Плещеева, а з Григорием велел послати ис Казани и из Асторохани для бережения стрельцов и казаков пятьсот человек. А велел государь Григорью Плещееву с стрельцы и с казаки жити у Темрюка и слушати его во всем и от всех его недругов беречи и в войну ходити с его людьми вместе, куды его Темрюк-князь учнет посылати» [11, 34-35].

3 октября 1563 года Григорий Плещеев вернулся в Москву от Черкас Пятигорских, куда был послан «посольством... оберегати его (Темрюка) от его недругов, от черкас, которые от него отступили и которые ему тесноту чинили». Плещеев рассказал, как он был послан в Кабарду для защиты князя Темрюка. В момент прибытия Григория в Кабарду, шурин Грозного вместе с сыном Домануком скрывался от «своих недругов» в Астрахани. В Черкасы «Темрюк-князь и сын его Доманук-мирза» вернулись 6 декабря 1563 года. С Плещеевым пришел «голова стрелецкая Григорий Вражской, а с ним стрельцов 500 человек да с ним пять атаманов казачьих с казаки, а казаков с ними 500 человек. И Темрюк с государьскими людьми... воевал Шепшуковы улусы да воевал татцкие земли близ Скиньских городков, и взяли три городки: город Мохань, город Енгир, город Каван, и мирзу Телишку убили и людей многих побили. А те городки были Шепшуковы княжие, и люди тех городков добились челом Темрюку-князю, и дань Темрюк-князь на них положил. И воевали землю их одиннадцать дней, и взяли кабаков Мшанских и Сонских сто шестьдесят четыре, и людей побили и в полон имали, да взяли четырех мурз: Бурната, Езднору, Бурнака, Дудыля» [11, 35-36].

В середине XVI в. Ногайская орда объявила о своей «протекции Российской». В 1555 г. шамхал Тарковский от имени дагестанцев заявил Ивану Грозному о желании вступить под его покровительство, обещая «на службы на государевы ходити... с государевыми воеводами вместе». В 1557 г. в Москву с аналогичной просьбой прибыли представители шамхала Тарковского и тюменского князя. В следующем году русское подданство принял Ших-мурза Окуцкий [12, 18-19]. В 1589 г. на верность московскому царю присягнул владлец Ларса Султан-мурза, под контролем которого находился Дарьяльский проход.

Тяжелая обстановка сложилась в Закавказье. В XVI в. ослабленная центральная власть Грузии не смогла организовать отпор агрессии извне. К 1540 г. в южной Картли в результате опустошительных походов

турков и персов осталась лишь треть прежнего населения. Масштабы демографической катастрофы У.Д. Аллен сравнивает с массовой депортацией тысяч крестьян Кахетии в Иран при Аббасе I. Широкое распространение получила работорговля. Несмотря на протесты царя и церкви, знать не прекратила занятие этим видом весьма прибыльной торговли. По свидетельству венецианского посла к Узун Хасану, Тифлис — историческая столица и важный торговый центр Грузии, постепенно превратился в жалкий маленький городок [13, 314].

Члены римско-католической миссии в Грузии собрали сведения о распаде этого, прежде единого государства. В 1627 г. Пьетро делла Валле на базе интересных материалов по данному вопросу составил для Урбана VIII «Информацию о Грузии».

«Как рассказывают, — отметил паломник, — правил там один единственный царь до тех пор, пока один из них не поделил государство между своими четырьмя сыновьями, коих он имел, сделав их в равной степени самодержавными государями, оставив однако первородному сыну своему столицу, большую часть земель и превосходство над другими (государями) ... как старший и величается титулом *менетмене*, что на их языке означает: *царь царей*... остальные... являются просто грузинскими государями (*i Principi della Georgia*). Кроме этих четверых, кои царской крови, двое других прежде были «министрами *менетмене* и правителями двух больших частей его государства... Со временем по авторитету и репутации (курсив мой. — Ф. Г.) они не только уравнились со всеми остальными (государями), но и породнились с ними, вот почему они теперь все считаются равными и довольно часто рождаются между собой» [14, 348].

К востоку от Имеретии располагалась «другая провинция, называемая Кахети (*Kacheti*) ... была она государством потомка младшего брата из тех четверых, что царской крови; резиденция его находилась в городе, называемом Загам (*Zagam*)». Царь и дворяне этой страны «занимаются лишь войной». Землей «владеют почти все —

либо малой, либо большей долей... в той стране мало городов и они малозначительны; зато села весьма густо населены». Царь Кахетии Таймураз «еще жив, но лишен государства» [14, 350-351].

Ослабленная внутренними раздорами Грузия в борьбе с внешней агрессией опиралась на помощь соседей, в частности — осетин, через них же стремились установить тесные связи с Россией. По свидетельству капуцинского монаха Диониджо Карло, прибывшего в Тифлис в 1681 г., Георгий XI «своего единственного сына женил на дочери осетинского мтавара. Осетины гордый народ, живут обособленно... Благодаря этой женитьбе Георгий в нужное время найдет там убежище и окажет сопротивление персам» [15, 159].

В конце XVII в. Георгий и его брат Арчил, правивший в Кахетии, а затем и в Имеретии, неоднократно скрывались в горах Осетии. Отсюда Арчил добивался утраченного имеретинского престола и устанавливал связи с Россией. В Зарамаге нашли приют Сыновья Арчила — Александр и Мамука. В начале XVIII в. Вахтанг VI с огромным обозом бежал в Россию. Одним из сподвижников грузинского царя являлся Зураб Елиханов, осетинский владлец, впоследствии ставший инициатором первого осетинского посольства в Россию (1749-1752 гг.).

В феврале 1682 г. из Москвы вернулось посольство во главе с архимандритом Гавриилом и князем Дмитрием Квариани. Арчил через послов «умолял государя прислать войско, дабы выручить его из Осетии, лежащей на границах Малой Кабарды, которою владеет Алей-Мурза». Шамхал с большим войском перекрыл Арчилу путь на Москву, став с войском на границах Малой Кабарды; «но опасается подойти к Осетии, по причине крепкого положения сей страны, и тесного пути, ведущего в оную» [14, VIII, XVIII].

Арчил находился «в Осетии с царицею, тремя детьми и почти со 150-тью человеками, составляющими «свиту царскую, но число коих уменьшено, по причине дорогого содержания». В 1690 г. приехавший

в Москву от Арчила имеретинец Макар «сказывал, что по прибытии царя в Осетию, сей последний, оставив там двух сыновей своих, продолжал путь свой далее, до имеретинского края Рача». Детей своих он оставил «в деревне Зрамаге» [14, LXIX, LXXII-LXXIII].

Такова вкратце ситуация на Северном Кавказе и вокруг него в постмонгольский период.

Нет необходимости напоминать о крайнем недостатке источников по средневековой истории горских народов. В первую очередь это касается т.н. «темного периода» (XIII-XV вв.), а также «тревожной и драматической эпохи» [16, 7] постмонгольского времени. В этом смысле особую значимость приобретают материалы XVI-XVII вв. отложившиеся в архивах Посольского приказа: челобитные северокавказских феодалов, жалованные грамоты русских царей, «отписки» астраханских и терских воевод, «расспросные речи» членов посольств и др. Не меньший интерес представляют *статейные списки* — отчеты русских посольств [17, 13]. Последние отличаются фиксацией «не только фактов политической жизни Кавказа того времени, но и, что особенно редко в документах, быта, хозяйства, обычаев некоторых кавказских народов» [18, 254].

Характерной чертой документов посольств является наличие, как правило, «Наказов», своего рода вопросников. Они касались ряда тем, связанных с географическим положением страны (или общества), демографией, городами, укрепленными поселениями, хозяйством, торговлей, военной силой, обычаями др. *Наказы* русских посольств обычно начинались с вопроса о подданстве. Несмотря на формальный характер, в сложившейся на тот момент ситуации он имел определенный политический смысл, как для России, так и для народов горских народов. Далее шли вопросы внешнеполитических связей. Так, в *Наказе* посольству Толочанова акцентировалось внимание на взаимоотношениях Александра Имеретинского с турецким султаном, иранским шахом, «с шамхалом, с дадьян-

ским Леонтьем царем, и с гурелским, и с Аристопом князем» [18, 256].

Актуальными для Москвы являлись также сведения о землях, куда направлялись посольства. В «Наказе» Толочанову и Иевлеву по этому поводу говорится: «И расспросить про все и разведывать всякими мерами подлинно: какова она (Имеретия. — Ф. Г.) и сколь пространна, и на скольких верстах, и сколько в ней городов и мест жилых, и сколь людна... О том о всем рассмотреть и разведывать гораздо и записать о всем имянно в статейный список» [18, 256-257].

Правда, поднятые в списках вопросы освещены в них неравнозначно. Н. Г. Волкова пишет по этому поводу: «Наиболее ярко обрисована политическая обстановка того времени. Уже в первом ответном посольстве из Москвы в Грузию от царя Федора Ивановича (1587 г.) в ответ на просьбу царя Александра Кахетинского о желании (быть) с Иверской землей «под нашу (т.е. царя Федора. — Ф. Г.) царскою рукою» ставится вопрос о помощи Кахетии в ее борьбе с Персией и шамхалом». Если хозяйство и материальная культура в списках представлены сравнительно полно, то сведения о социальной структуре горских обществ «весьма малочисленны». Однако, как справедливо отметила Волкова, «и эти скудные свидетельства представляют для исследователя неоценимый материал, зафиксированный очевидцами более трех веков назад» [18, 257]. В условиях почти полного информационного вакуума «не приходится пренебрегать и упоминаниями таких событий, которые в интересующем нас плане могут быть интерпретированы только гипотетически (подчеркнуто в тексте. — Ф. Г.)» [19, 97].

Наконец, следует напомнить еще одно обстоятельство: документы Посольского приказа, хранившиеся в Центральном государственном архиве древних актов, дошли до нас с большими пробелами. Практически не сохранились документы до 70-х годов XVI в. И связано это не с каким-либо «перерывом» в русско-кавказских отношениях, ибо материалы того периода указыва-

ют на их существование. Возможно, часть документов погибла во время какого-либо московского пожара. Сохранившиеся материалы опубликованы: до революции — статейные списки 80-х годов XVI в. — 1613 г. С. А. Белокуровым [20]; М. Броссе [14]; в советский период некоторые из дел Посольского приказа изданы М. А. Полиевктым [21-24]; сборники документов, в том числе из посольских записок, по русско-кабардинским и русско-дагестанским отношениям [25-27].

В материалах терских воевод и ранних русских посольств упоминаются «горские люди» и «горские земли». В частности, называются «Суншина городища» (близ впадения р. Сунжи в Терек), «горские земли» — «Ококи, Кумуки, Минкизы, Шибуты, Мерезинская, Дидовская и др. В свое время Кушева к чеченским «родоплеменным образованиям» отнесла Мичкич, Шибут, Мереджой, Мулкой, и Шато. Другую группу — Калки, Ероханские люди, Ококи, Кисти — исследовательница отождествила с названиями обществ горной Ингушетии: Галга, Джерах, Кисти [17, 59-64].

Московские послы князь Семен Звенигородский и дьяк Тарх Антонов, возвращаясь из Кахетии, за день до выхода из Дарьяльского ущелья встретили горцев: «приходили на них горные люди Колканцы и стрельца было Найдена взяли и лошадь под ним убили; и послы князь Семен и дьяк Тарх, поворотясь, тех Калканцев побили и стрельца у них отняли [20, 222].

Во второй половине XVI в. Россия через своего союзника Темрюка Идарова (одного из могущественных кабардинских князей) осуществляла связи с другими социумами региона. Российская дипломатия, желая укрепить свои позиции на Кавказе, стремилась всячески поддержать своих союзников, примирить их с наиболее значимыми политическими противниками. Так, в 1587 г. Родион Биркин получил информацию о продолжении конфронтации между сторонниками Темрюка и его противниками, включая дигорских, куртатинских, тагаурских феодалов и ксанского эристава, происходившего по

прямой линии от аланских князей из клана Сидамонта.

На рубеже XVI-XVII в. отношения между царем Грузии Александром и ксанским эриставом обострились. В мае 1597 г. царь «известил послов русских Кузьму Савина и Андрея Полуханова, что Солох, *Государь Кабардинский* (курсив мой. — Ф. Г.) Айтек-Мурза вторглись в его земли, в страну Сонскую и что кабардинские Черкесы побили в оной много людей и весьма многих полонили» [14, VIII]. Называя Солоха *государем кабардинцев*, Александр, возможно, не случайно статус своего соперника определил термином *государь*. В том же документе он повторил: «один *Государь*, также кабардинский, по имени Алкас, предвездомил Государя Александра о неприятельских действиях *Государя Солоха* и даже освободил множество пленных, Государем Солохом захваченных, и что сей, для отмщения себя, возбудил против (Солоха) воевод царских, бывших в Терки, убеждая присоединиться к нему, чтобы вместе воевать против с Государем Алкасом» [14, VIII].

Интересны материалы *грузинских* посольств. В составе одного из них во главе с князем Капланом, старцем Кириллом и Хуршитом (1588-1589 гг.) в столицу России прибыли посланцы некоторых владельцев Северного Кавказа. «И черкасы Шихов племянник и Алкасов посол говорили, что они холопы государские старинные и ныне государю служат, и прислали их ко государю Алкас княз и Ших-мурза бити челом, чтоб государь пожаловал, велел их от недругов беречи терским воеводам; а недруг им Асланбек княз Кабардинской» [20, 59].

Происхождение и история ксанских и арагвских эриставов давно привлекают внимание специалистов. Среди исследователей данной проблемы в дореволюционной историографии выделяются: С. Баратов, М. Джанашвили, Чиляев, Яновский и Казачковский, анонимный офицер в «письмах из Осетии», В. Б. Пфаф, М. М. Ковалевский и др. [28-33]. В советское время исследования по этой теме, наряду с историками продолжили этнографы, археологи, фольклористы и др. Расширился круг опублико-

ванных источников [26; 27; 35; 36].

Из зарубежных ученых Аллен специально остановился на статусе «Аристопа Сонского». В документах русских посольств часто встречаются ссылки на *Сонскую землю*, *Аристопа* или *Аристопа Сонского*. «В такой интерпретации земля и название неизвестны грузинским источникам. Некоторые историки Аристопа сонского принимают за Эристави Ксанского, а издатель материалов миссии Ф. Елчина в Мингрелию (1650 г.) отождествлял Сонскую землю со Сванетией — в ста милях к западу от Дарьяльского ущелья... Аристоп/Аристов, — продолжал английский ученый, — несомненно соответствует грузинскому административному титулу *эристави*, позднее стало фамилией Эристави. Это сложносоставное слово состояло из *эри* (народ, армия) и *тави* (глава), отсюда — *глава армии*. По русским источникам князь Аристов являлся... правителем *Сонской земли*... В XVI веке... эриставы Ксани и Арагви стали более или менее автономными от царей в Тифлисе» [13, 309-311].

Что касается эристава Арагви, то его происхождение Аллен «относит к одному из нескольких благородных родов, что вторглись на южные земли от Главного Кавказского хребта после окончательного уничтожения аланского царства монголами» [13, 312].

Во второй половине XVI в. российская дипломатия с целью укрепления своих позиций на Кавказе, стремилась получить объективную информацию о политической ситуации во всех регионах, заселенных горцами. Так, в 1587 г. Родион Биркин собрал сведения о продолжении конфронтации между сторонниками Темрюка (тестя Ивана Грозного) и его противниками, включая дигорских, куртатинский, тагаурских феодалов и ксанского эристава, происходившего по прямой линии от аланских князей из клана Сидамонта¹. Послы стали свидетелями междуусобиц между горскими феодалами: «Да сего ден, государь, лета приходили в Сонскую землю войною Солохов брат Ивак мурза с черкесы и повоевали село в украинном месте и в полон людей черных

поймали».

Кабардинский князь Алкас заявил Биркину, что не может проводить его посольство до Грузии: «пошлю... вас проводити до Сонские земли; а дале Сонские земли мне вас проводити нельзя, потому что ныне Иристов Сонский со мною не в миру». О самостоятельности ксанского эристава и его автономии по отношению к царю Грузии свидетельствует вопрос, заданный им Биркину: «идете вы от государя своего к Олександрю князю Грузинскому через мою землю (курсив мой. — Ф. Г.). Грамота с вами от государя ко мне и жалованье есть ли?» Отдохнув в Ксани неделю и закупив лошадей, ибо «ехати было не на чем», послы выехали «от Еристова князя августа в 13 ден; и Иристов княз Родивона да Петра до Грузинсково рубежа ездил провожати сам. И шли его землею четыре дни» [21, 34-35, 112].

С конца XVI в. маршруты русских посольств в Закавказье пролегали через Осетию. Местные владельцы оказывали послам России всемерную помощь [14, VIII]. Это видно, например, из материалов посольств Родиона Биркина (1587 г.) и Семена Звенигородского (1589 г.).

В статейном списке Звенигородского сохранились интересные сведения о владельце Ларса — Салтане. 25 сентября 1589 г. российское посольство прибыло в Ларс. «Салтан-мирза вышел к послам ко князю Семену да к диаку Торху пеш, а с ним его человек з 10. А говорил: преж сего государевы посланники Родивон Биркин да Петр Пивов шли в Грузинские земли шли на мой же кабак, и яз государю служил, посланников его Родиона да Петра через свою землю провожал и дорогу им куда легче идти указывал и людей своих до Грузинские земли провожати их посылал; а которые были у государевых посланников люди и лошади больны, и тех людей и лошадей Родивон да Петр оставляли, в Грузию, идучи, у меня и яз тех людей и лошадей у себя кормил и лечил и за Родивоном и за Петром отпустил их здоровых. И Родивон и Петр, назад идучи из Грузии, реклис службу мою государю извести». Послы отметили: «государь

тебя пожалует под свою царскую руку и в оборону от всех твоих недругов примет и грамоту свою жалованную со своей печатью, как тебе под его царскою рукою вперед быти, и свое государево жалованье тебе пришет». Салтан дал слово: «яз ныне хочу государю же служити по свою смерть... и на непослушников государевых воеводами и с кабардинскими князи ходити готов и на том государю правду даю, шертую, и вас провожаю до грузинские земли» [21, 57, 118].

В 1587 г. через Тагаурское общество в Грузию проследовало посольство Родиона Биркина; в сентябре 1589 г. по этому же пути прошло посольство Семена Звенигородского, а в августе 1604 г. — посольство М. Татищева. Последнее воспользовалось услугами осетин, живших в Тырсыгоме — ущелье в верховьях Терека, заселенного исключительно осетинами. Послы упоминают «Аристова князя приказщика Берозова», Берозов кабак², где послов встретили «от Аристовой матери дворецкий Аристовов Шанг да с ним два азнаура». Дарьяльский проход, таким образом, превращался в важнейшую магистраль связи между Россией и Закавказьем. Это обстоятельство само по себе недвусмысленно свидетельствует о характере отношений осетин к северному соседу и его политике на Кавказе.

В мае 1597 г. грузинский царь Александр «известил послов русских Кузьму Савина и Андрея Полуханова, что Солох, государь кабардинский, и Айтек-мурза вторглись в его земли, в страну сонскую и что кабардинские черкесы побили в оной много людей и весьма многих полонили, и что один государь, также кабардинский, по имени Алкас предупредил государя Александра о неприятельских действиях государя Солоха и даже освободил множество пленных, государем Солохом захваченных, и что сей, для отмщения себя, возбудил против первого из воевод царских, бывших в Терки, убеждая их присоединиться к нему, чтобы вместе воевать с государем Алкасом». Царь Грузии отправил воеводам письмо с просьбой не выступать против Алкаса, добавив, если Алкас в чем-то «провинился перед ца-

рем», то Александр за него ручается: Алкас «скоро исправит свою ошибку, совершенно покорится царю и пребудет вечно ему верным» [14, VIII].

Обострение отношений между сторонами России на Кавказе встревожило московское правительство, искавшее пути для активизации связей с регионом. В грамоте «князю Сонскому» (май 1604 г.) российский царь высказал свою озабоченность: «из давних лет Сонская земля подо властью Иверских царей одна земля и люди были одной веры христианские; а не в давном времени ты, Аристов княз, от Александра царя хотел отстат, и за то меж вас недружба и вражда вечалас была». В той же грамоте царь России высказал свою просьбу: «И ныне наше царское величество хотим того, чтоб вы, Аристов княз, с Александром царем были в миру и в дружбе по прежнему и на всех своих недругов стояли заодин» [26, 425].

Не просто складывались русско-кавказские отношения в начале XVII в. В 1604 г. на первом стане от Ларса «в ночи» на послов Михаила Татищева и Андрея Иванова приходили «горские люди с вогненным боем». У членов посольства «для береженья была застава и сторожа крепкая. И на стороже, государь, их подстерегли и с ними бились, ис пицалей стреляли и от станов наших отбили и многих у них переранили». Приехавшие «для оберегания» люди Арагвского эристава «сказывали, что те же люди приходили из гор Калканцы» [26, 456, 474]. На основании некоторых сюжетов из статейных списков, упоминавших калканцев, Кушева предположила, что термин *калканцы* и его варианты «покрывает... родоплеменные группы горной Ингушетии» [17, 66].

Материалы посольств содержат информацию об общественном устройстве чеченцев и ингушей. В статейном списке посольства Звенигородского и Антонова привлекает внимание следующий сюжет. Вышедшие навстречу послам люди кахетинского царя Александра должны были показать наиболее безопасный путь в Закавказье. «И они де дорогу проведали: идти послом бесстрашно на Метцкие гре-

бени, на Шихово племя, на Бурнашеву да на Амалееву землю да на Батцкие гребни. А владеет тою Батцкою землею государь их Александр» [20, 128]. Название последней «земли» связывается с национальным названием цова-тушин — бац-би. «Название Амалеева земля» специалисты сопоставляют с Омало в Тушетии, а «Метцкие гребени» — с названием одного из обществ «дальних кистин» в его местной форме «Митхо». Митрополит Епифаний в 1665 г. рассказал о том, как проехал «два кабака горских кистинчат, а людей в них двести человек. И от тех горских людей им проезд нужен, без подарков никою не пропускают. А подарки де емлют большие. И ныне де с него, митрополита, взяли 100 киндяков³ да 20 дараг⁴» [17, 68].

С начала XVII в. особую активность на Северном Кавказе проявляли иранские шахи, неоднократно пытавшиеся закрепиться здесь. Шах Аббас I понимал, что укрепление связей России с Кавказом, в конечном счете, приведет к освобождению Грузии и Армении от иранской зависимости, поэтому всячески противодействовал проникновению России в Закавказье и Дагестан. Общая ситуация на Кавказе усугубилась страшной засухой 1602 г.: «жар был столь несносен, что жители сей страны убежали в горы и что померло много людей» [14, IX].

Русские послы «тайно разведали», что Аббас I грузинского царевича Константина настроил против своего брата Георгия (ориентировавшегося на Россию. — Ф. Г.). Шах требовал от Константина, дабы тот «хитростью захватя князя, отправил бы его в Персию или даже умертвил». 12 марта 1605 г. в Загеме царевич Константин «с ханами и султанами персидскими и с множеством персиян внезапно явился к отцу своему» Александру, убил его и царевича Георгия [14, XVI-XVII]. Это чудовищное преступление «очень оскорбило и разгневало кахетинцев, и они напали на дом Константина, чтобы убить его» [37, 68].

Сторонники Александра через Осетию тайно отправили в Россию царевича Баграта. Он едва не погиб в Астрахани от

рук убийцы, подосланного опознавшими его шахскими послами. Аббас I усилил исламизацию Грузии. Однако мероприятия персидского двора натолкнулись на яростное сопротивление горцев. Уже 18 октября после битвы на р. Мазу грузины убили посаженного на трон Кахетии Константина. Аббас вынужден был возвести на престол шестнадцатилетнего внука Александра II христианина Таймураза.

В ирано-турецких войнах 1602-1612 гг. восточногрузинские царства участвовали на стороне сефевидов. Однако, используя помощь грузинских войск, Аббас I после заключения мира с Турцией стал открыто действовать против бывших союзников.

3 августа 1604 г. на первом стане от Ларса «в ночи» на послов Михаила Татищева и Андрея Иванова приходили «горские люди с вогненным боем». У членов посольства «для береженья была застава и сторожа крепкая. И на стороже, государь, их подстерегли и с ними бились, ис пищалей стреляли и от станов наших отбили и многих у них переранили». Приехавшие «для оберегания» люди Арагвского эристава «сказывали, что те же люди приходили из гор Калканцы» [37, 456. 474]. Кушева предположила, что термин *калканцы* «покрывает... родоплеменные группы горной Ингушетии» [17, 66].

Закавказье представляло собой арену яростного противоборства Турции и Ирана. Войска иранских шахов и турецких султанов неоднократно вторгались в Грузию, Армению, Азербайджан и Дагестан, опустошая целые районы. «Никогда Иверия не бедствовала ужаснее нынешнего, — говорил в 1604 г. грузинский царевич Георгий послу России, — стоим под ножами Султана и Шаха; оба хотят нашей крови и всего, что имеем» [38, 112]. Западный и Северо-Западный Кавказ более всего страдали от гнета султанской Турции и Крыма.

В августе 1604 г. Дарьяльским путем в Грузию воспользовалось посольство Татищева. Осетинский «старшина» высокогорного аула Джимара Берозов обеспечил членам посольства безопасный проезд, кров и пищу [26, 454, 457].

В начале XVII в. отношения между царем Грузии Александром и эриставом вновь обострились. Как выяснили члены посольства Татищева (1604-1605 гг.), эристав ксанский «ныне подо властью Юрья Симонова сына; и сын Аристовов меньшей живет в закладе у Юрья Симонова сына», а за старшего сына эристава вышла замуж дочь Юрия. «А с Олександром, государь, царем Аристов княз в миру ж и сын Аристовов тово для веры у Александра царя» живет [26, 457]. Как видно, несмотря на династический брак, отношения между Александром и эриставом не были столь радужными, если один из наследников эристава находился у царя по сути на положении заложника.

Судя по статейному списку посольства Татищева, в состав Ксанского эриставства входили верховья Терека ущелья Тырсыгом, населенного исключительно осетинами. Послы упоминают «Аристова князя приказщика Берозова», Берозов кабак, где послов встретили «ото Аристовой матери дворецкой Аристовов Шанг да с ним 2 азнаура» [17, 456-457].

В зоне Центрального Кавказа начала XVII в. наиболее активной силой являлись кабардинские князья. С помощью своих сторонников они стремились взять под контроль стратегически важный проход в Грузию. К 1604 г. влияние кабардинских князей простиралось практически до входа в Дарьяльское ущелье. Князь Айтек овладел другой «дорогою в горах к Сонской земле». Кабардинские феодалы осуществляли набеги на территорию Грузии, «воевали» земли Ксанского эристава («Сонские земли»), уводили в плен людей [20, 453-454, 456, 476].

Это встревожило московское правительство, искавшее пути для активизации связей с Закавказьем. В грамоте «князю Сонскому» (май 1604 г.) российский царь высказал свою озабоченность: «из давних лет Сонская земля подо властью Иверских царей одна земля и люди были одной веры христианские; а не в давном времени ты, Аристов княз, от Александра царя хотел отстат, и за то меж вас недружба и враж-

да вечалас была...» В той же грамоте царь России высказал свою просьбу: «И ныне наше царское величество хотим того, чтоб вы, Аристов князь, с Олександром царем были в миру и в дружбе по прежнему и на всех своих недругов стояли заодин» [20, 425, 443].

Слабость центральной власти в Картли не позволила царю справиться с относительно небольшим отрядом своих противников. «И архиепископ и царицы ближние люди говорили..., что меж Черкасские и Юрьевы царицы земли есть горские люди, словут Осинцы, всего их человек з 200; и те люди Карталинским людем чинят тесноту, тайно приходя, побивают и грабят» [20, 454, 456, 508]. Однако это не мешало осетинским феодалам в поисках союзников использовать любую возможность для установления постоянных контактов с Москвой.

В начале XVII в. отношения между царем Грузии, с одной стороны, и ксанским эриставом и осетинскими (тагаурскими) феодалами — с другой, обострились [20, 25, 443].

По «аристократическим» вариантам предания о Царгасе, стырдигорские феодалы пользовались «дружбой царей карталинских и имеретинских [38, 77; 39, 47]. Некоторые редакции предания укрепления связей с Грузией относят ко времени правления Баграта II, даже указывается, будто с 1622 г. царгасата стали «союзниками имеретинского дома Багратидов». За то были «щедро награждаемы и даже признавались владетелями с правами наследия, верхне-рачинских деревень: Гебе, Чиори и Глали» и т.п. [40, 113; 41, 31] Соколов, побывавший в Грузии в 1802 г., указывал на стремление имеретинского царя Соломона сохранить добрососедские отношения с Западной Осетией, особенно Стыр-Дигорией. С этой целью царь «отдал право старшинам оных, что когда они будут проезжать в Имеретию, чтобы жители Геби без платы давали им угощение, и к сим же старшинам относились на расправу в случающихся между ними распрях, что и до ныне существует».

Поздней осенью 1650 г. по пути в Грузию послы России Толочанов и Иевлев остановились в Анзоровой Кабарде. Сюда приходили «из гор два человека дигорцев смотреть государевых послов, а имена их Смаил да Чибирка. Им задали вопрос 'отколе пришли, и какво владения, и для чево пришли'. И они сказались дигорцы. Жилище их в горах, вверх по реке Урухе, а владение у них Алкас мурза Карабгаев; а владение его четыре кабака. А в кабаке, сказывали, жильцов дворов по двести и больше» [21, 120].

Показательно, что в середине XVII в. осетины выразили желание принять российское подданство. 5 мая 1651 г. представители западной Осетии (Дигорского общества) выразили готовность подчиниться московскому царю. Правда, при одном условии: «только де государь изволит близко гор поставить свой государев город и воинских людей устроит» [21, 120].

В середине XVII в., согласно списку посольства Толочанова, ксанский эристав находился в оппозиции к царю Грузии. По словам Толочанова, недалеко от «Мулдаровой Кабарды... живет ему... неприятель Аристок». В другом месте посол повторил: «Да тут же близко Мулдаровой Кабарды ведомый им неприятель Аристок сонский владелец... в сборе и с кумыцкими со многими людьми... Аристок Теймуразу царю недруг и дожидается на дороге» [21, 34-35, 57].

О напряженных отношениях ксанских и арагвских эриставов с монархами Имеретии и Картли свидетельствуют материалы статейного списка посольства Толочанова и Иевлева 1650-1652 гг. Послы, находясь в Кабарде, со слов феодала Зазаруки Анзорова выяснили, что «Аристок Теймуразу царю недруг». Ксанский эристав был в тот период настолько силен, что вмешивался и в северокавказские дела: «близко Мундаровой Кабарды ведомый им неприятель Аристок сонский владелец... в сборе... и с кумыцкими со многими людьми». Из Кабарды была дорога и «в меретинскую землю к Александру царю и в Грузию... дорога прямая. А с его Кабарды к Александру царю на горских людей, на дигоры да на стигор-

цы, близко; в первую деревню Александра царя, к азнауру к Юрию Каншову в два дни. Только де ныне этою дорогою ходить нельзя, потому, что близко живет шахов посаженник, Аристоп сонский владелец; и с Александром царем не в миру. А только де того Аристопа государь изволит с царем Александром замирить, и та де дорога будет близка и хороша. И можно сделать и тележный ход. А те де горские люди, дигоры и стигорцы, государю противны не будут». Со слов самих дигорцев, «до первого их владения, до дигор от Зазарукина кабака половина дни ходу, а от их владения до стигорцев день ходу. А от стигорцев до грузинские до первые деревни до Гези половина дни ходу... Только де ныне тем путем государевым людям ходить страшно от сонских людей и от их владельца Аристопа» [21, 35, 57, 118-120].

По «аристократическим» вариантам предания о Царгасе, стырдигорские феодалы пользовались «дружбой царей карталинских и имеретинских». Некоторые редакции предания укрепление связей с Грузией относят ко времени правления Баграта II, даже указывается, будто с 1622 г. царгасата стали «союзниками имеретинского дома Багратидов». За то были «щедро награждаемы и признавались владельцами с правами наследия, верхне-рачинских деревень: Геби, Чиори и Глали» и т.п. Соколов, побывавший в Грузии в 1802 г., указывал на стремление имеретинского царя Соломона сохранить добрососедские отношения с Западной Осетией, особенно Стыр-Дигорией. С этой целью царь «отдал право старшинам оных, что когда они бу-

дут проезжать в Имеретию, чтобы жители Геби без платы давали им угощение, и к сим же старшинам относились на расправу в случающихся между ними распрах, что и до ныне существует».

Таким образом, в начале XVII в. во внешней политике России, Ирана и Османской империи Северный Кавказ занимал приоритетное место. Регион интересовал великие державы как важный стратегический плацдарм для ведения военных действий, как неиссякаемый источник материальных и людских ресурсов. В этом смысле турецкий гарнизон в Дербенте серьезно препятствовал не только развитию ирано-европейской торговли, но и планам России на Кавказе [42]. С другой стороны, феодалы Кавказа, демонстрируя свою политическую независимость, вмешивались в отношения крупных восточных империй и России, вносили порой существенные коррективы в их политику в регионе.

Ситуацию той поры четко отражает отчаянный призыв царевича Георгия: *«Турки, персияне...силою к нам врываються, а вас (царя России. — Ф. Г.) зовем добровольно: придите и спасите!»*

Несколько посольств в обоих направлениях пользовались дорогами, проходившими через Осетию. Представители восточной, центральной и западной Осетии оказывали различную помощь проходившим послам. Через русских дипломатов осетинские владельцы сообщали о готовности «служить московскому царю». Но войти в состав России осетинам удалось лишь в конце XVIII в.

1. В составленной в 1827 г. «Записке» о горских народах, живших по Военно-грузинской дороге Чилиев [30, 348] дал этимологию социального термина *эристави*. Разбив его на составные части: *эри* «народ» + *тави* «глава», в итоге получил *глава* или *начальник народа*. Чилиев обратил внимание на то, что арагвские *Эристовы* «в списке, при заключенном с Россией в 1781 г. трактате имеющимся, показаны они собственным их именем, т.е. *Сидамоновыми* (курсив мой. — Ф. Г.). Напротив, фамилия Бибилюровых, из коей при заключении трактата назначались лица для управления Ксанским эриставством, названа в помянутом списке по занимаемой тогда должности князьями Эристами-Ксанскими». Сходную точку зрения четырьмя годами позже высказали Яновский и Казачковский [34, 374].

2. Аул Джимара у истоков Терека в Трусовском ущелье; аул с аналогичным названием существует и в Северной Осетии — выше Даргавса. Причем и здесь одной из коренных фамилий считаются Берозовы.

3. Восточная хлопчатобумажная ткань.

4. Искаженное *дарага* — восточная шелковая ткань. В осетинском, согласно В. И. Абаеву, *дарас* — «одежда», «платье». Ученый подкорректировал трактовку В. Ф. Миллера, который разбил термин на две составные: *дар* и *ас*. Первая часть выводится из глагола *дарун* среди его основных значений — «носить одежду». Что касается второй части, то Миллер рассматривал его как суффикс, тогда как Абаев — как остаток слова *wast* «одетый», «одежда». Слово *daras* в таком случае — «носимая» или «носильная одежда» [43, 344].

1. Народы Северного Кавказа и восточная политика Ивана Грозного // Архив КБНИИ. Ф. 1. Оп. V. Д. 32.

2. Кокиев Г. А. Материалы по истории Осетии. Владикавказ, 1933. Т. I.

3. Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. IV. История России с древнейших времен. Т. 7-8. М., 1994.

4. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях/Введ., примеч. и ком. С. А. Аннинского. М.-Л., 1936.

5. Галонифонтибус И. Сведения о народах Кавказа (1404 г.). Баку, 1980.

6. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв./Сост. и ком. В. К. Гарданов. Нальчик, 1974.

7. Эвлия Челеби. Книга путешествия. М., 1979. Вып. 2.

8. Мусукаев А. И. О Балкарии и балкарцах. Нальчик, 1982.

9. Попко И. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1883.

10. Кокиев Г. А. Сношения России с народами Северного Кавказа // Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и с народами Кавказа. Махачкала, 1982.

11. Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII веках. Под ред. Т. Х. Кумыкова и Е. Н. Кушевой. 2-е изд. Нальчик, 2006. Т. I.

12. Гаджиев В. Г. Вековая дружба братских народов // Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и с народами Кавказа. Махачкала, 1982.

13. Allen W. E. D. Russian Embassies to the Georgian Kings. 1589-1605. I. Cambridge, 1970.

14. Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1613 г. по 1770 г./Ввод. статья М. Полиена. Пер. М. Броссе. СПб., 1861.

15. История Северо-Осетинской АССР. 1987. Т. I.

16. Бзаров Р. С. О профессоре М. А. Мисикове // Мисиков М. А. Этнографические сведения об осетинах. Владикавказ, 2011.

17. Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI-XVII вв. М., 1963.

18. Волкова Н. Г. Статейные списки русских посольств XVI-XVII вв. как этнографиче-

- ский источник // Кавказский этнографический сборник. М., 1976. VI.
19. Батчаев В. М. Балкария в XV — начале XIX века. М., 2006.
20. Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М., 1889. Вып. 1 (1578-1613 гг.).
21. Полиевктов М. А. Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию 1650-1652 гг. Тифлис, 1926.
22. Полиевктов М. А. Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию (1640-1643). Тифлис, 1928.
23. Полиевктов М. А. Экономические и политические разведки Московского государства в XVII в. на Кавказе. Тифлис, 1932.
24. Полиевктов М. А. Из истории русского академического кавказоведения // Изв. АН СССР. 1935. Сер. VII. № 8.
25. Бирзе А. М. Попытки освоения природных богатств Осетии в XVIII столетии // Красный архив. 1937. № 4.
26. Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII веках/Под ред. Т.Х. Кумыкова и Е. Н. Кушевой. М., 1957. Т. I, II.
27. Русско-дагестанские отношения XVII-XVIII вв. Махачкала, 1958. Т. I, II.
28. Баратов С. История Грузии. Тетрадь II. СПб., 1871.
29. Пфаф В. Б. Материалы для истории осетин // ССКГ. 1871. Вып. V.
30. Чиляев. Записка о горских народах по Военно-грузинской дороге // АКАК. Т. VII.
31. Джанашивили М. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // СМОМПК. 1897. Вып. XXII.
32. Письма из Осетии // Тифлисские ведомости, 1830. № 72.
33. Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном отношении. М., 1886. Т. I.
34. Яновский и Казачковский. Записка об Осетинских ущельях, присвоенных князьями Эрстовыми-Ксанскими // АКАК. Т. VII.
35. Какабадзе С. С. Хроника ксанских эриставов начала XV в. // Письменные памятники Востока. 1968. М., 1970.
36. Памятник эриставов/Перев., исслед. и примеч. С. С. Какабадзе. Тбилиси, 1979.
37. Горгиджанидзе П. История Грузии/Перев. Р. К. Кикнадзе и В. С. Путуридзе. Тбилиси, 1990.
38. ЦГА РСО-А. Ф. 291. Д. 2.
39. ЦГА РСО-А. Ф. 291. Д. 10.
40. ЦГА РСО-А. Ф. 262. Д. 1.
41. НА СОИГСИ. Ф. 4. Д. 26.
42. Лавров Л. И. Культура и быт народов Северного Кавказа в XIII-XV веках // История, этнография и культура народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981.
43. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л., 1958. Т. I.